

Глава 2

Золотой посох с навершием в виде голубя со звоном упал на пол, и в тот же миг из теней, подобно стае черных воронов, бесшумно сорвались воины Тёмной стражи. Опустившись на одно колено, они склонили головы:

— Ваше Высочество, простите за оплошность. Мы допустили нападение.

Кровь растекалась по полу, и в колеблющемся свете свечей казалось, будто вся комната превратилась в багряное море с зыбкими, неверными бликами.

Цзи Сюнь поднялся и сошел с ложа. Его босые ноги ступали прямо по телам убитых, а длинный подол черного одеяния волочился по алым лужам. Ткань жадно впитывала влагу, и багрянец медленно полз вверх по подолу, окрашивая край одежды в зловещий темно-красный цвет.

Один из подчиненных доложил:

— Ваше Высочество пребывали в беспамятстве полмесяца. В Восточном дворце за это время не было никаких движений. Мы тайно отправили людей в Цзяннань на поиски знаменитого лекаря Бай Цзи...

Князь слегка поднял руку. Воин тут же умолк.

Цзи Сюнь долго и пристально смотрел на него, а затем внезапно спросил:

— Ты кто такой?

Тот, кажется, привык к подобному и четко ответил:

— Ваш покорный слуга — Инь Чжуншань, командующий Тёмной стражей усадьбы. Я следую за Вашим Высочеством уже более двадцати лет.

— А-а, — протянул князь, словно вспоминая. — Какое сегодня число?

— Шестнадцатый день двенадцатого месяца.

— Значит, лекаря Бай Цзи... — Цзи Сюнь прищурился. — Его нашли?

Инь Чжуншань еще ниже склонил голову:

— Пока нет.

— Не нашли? — мужчина усмехнулся, и в его голосе прозвучала опасная нотка. — Тогда откуда здесь взялись убийцы?

Командующий замер.

Положение Цзин-вана при дворе было исключительным и одновременно шатким. Он нажил столько врагов, что для многих стал «Богом Несчастий», которого мечтали извести любым способом. Ходили слухи, что лекарь Бай Цзи из Линьяня искусен в медицине и лучше всех умеет справляться с редкими ядами. Половина двора жаждала смерти Цзи Сюня, и, разумеется, они хотели прикончить его до того, как знаменитый лекарь прибудет в столицу.

Раз на него решились напасть прямо в брачную ночь, значит, враги испугались, что лекарь всё же может исцелить князя.

Затаив дыхание, Инь Чжуншань осторожно ответил:

— Сегодняшние нападавшие пробрались в усадьбу, скрывшись среди людей из свадебного кортежа маркиза Чжэньюань. Брак был дарован государем, подготовкой занималось ведомство императорского двора — мы проявили преступную беспечность.

Цзи Сюнь слегка наклонил голову:

— Вот как? И кто же женится?

— Вы, Ваше Высочество.

Только теперь князь, казалось, заметил, что его спальня украшена к свадьбе алыми шелками. Следом он вспомнил о человеке с мертвенно-бледным, пугающим лицом, который недавно лежал с ним на одной кровати.

— А-а... — вырвалось у него.

Так это была невеста? А он-то принял его за какого-то мелкого беса, явившегося за душой.

Инь Чжуншань осторожно наблюдал за выражением лица господина, пытаясь понять, как тот относится к этому союзу. Однако Цзи Сюнь не выказал недовольства, напротив, он с интересом спросил:

— Довольно мило. Из какой семьи эта барышня?

— Это... молодой господин из усадьбы маркиза Чжэньюань.

Чу Чжаохуай, старший сын маркиза, пришел в себя довольно быстро. Сцена убийства была настолько ужасающей, что поначалу юноша принял её за кошмарный сон. Он сел на кровати, чувствуя, как сердце всё еще бешено колотится в груди.

Даже живя в Цзяннани, он слышал о дурной славе Цзин-вана. Тот в юные годы возглавил поход и захватил четырнадцать пограничных городов, заслужив бессмертную славу на поле боя. Но год назад он получил тяжелое ранение, после которого одна его нога осталась искалеченной. С тех пор нрав князя переменился: поговаривали, что из-за приема сильных лекарств он лишился рассудка и впал в безумие. Стоило недугу проявиться, как он превращался в бешеного пса, свирепого и неуправляемого, готового убивать каждого встречного.

Раньше Чжаохуай думал, что слухи преувеличены, но сегодня убедился — в них нет ни капли выдумки.

«Поистине безумец»

Не успел он успокоиться, как услышал голоса за пологом кровати. Сквозняк колыхал занавеси, и слова, доносившиеся снаружи, казались продолжением кошмара.

— ...Молодой господин? — спросил голос князя.

— Да, — ответили ему. — Сяо-хоуе из усадьбы маркиза Чжэньюань. Государь даровал этот брак, а Императорское астрономическое бюро выбрало сегодняшний день как благоприятный для свадьбы.

Чжаохуай застыл.

— Кто именно? — снова раздался голос Цзи Сюня.

— Чу Чжаоцзян.

Князь всё еще не мог вспомнить этого имени. Инь Чжуншань, будучи опытным воином, привел несколько подробностей:

— В конце одиннадцатого месяца, когда вышел указ, Чу Чжаоцзян рыдал на глазах у всей улицы. Он называл Вас «смертником» и «проклятым обрезанным рукавом», заявляя, что скорее умрет, чем выйдет за Вас замуж.

Рассудок Цзи Сюня из-за лекарств часто мутился. В начале одиннадцатого месяца во время совета у него случился приступ, и он повздорил с маркизом Чжэньюань. Когда император вскользь упомянул, что брату пора бы остепениться и завести семью, князь просто усмехнулся и бросил:

— По мне, так Сяо-хоуе из усадьбы маркиза Чжэньюань весьма недурен собой. Брат мой, отдай его мне.

В его словах изнеженный молодой господин звучал как забавная безделушка, которую можно подарить по прихоти. Чу Цзин тогда едва не выхватил меч от ярости. Весь двор принял это за злую шутку, однако через три дня указ о браке уже был доставлен в усадьбу маркиза.

— Хм, теперь припоминаю, — отозвался Цзи Сюнь.

Внутри у Чу Чжаохуая всё похолодело.

«Оскорблял прилюдно?»

Его сердце снова болезненно сжалось, и он едва не лишился чувств во второй раз.

В начале двенадцатого месяца отец, не вспоминая о нем десять лет, прислал в Линьань спешное письмо. В нем говорилось, что бабушка при смерти и просит его вернуться. Чжаохуай преодолел тысячи ли, но едва переступив порог дома, был обряжен в свадебные одежды и засунут в паланкин.

Он-то наивно полагал, что просто попал под горячую руку и случайно стал жертвой указа. Но, оказывается, вся столица знала, что под титулом «молодого маркиза» в указе подразумевался его младший брат, Чу Чжаоцзян.

Чжаохуая захлестнула волна горечи и гнева. Он никогда не питал нежных чувств к отцу и планировал навсегда остаться в Цзяннани, даже не помышляя о наследстве или титулах.

Чу Чжаоцзян прилюдно поносил Цзин-вана. Пока тот был в беспамятстве, всё было не так страшно, но теперь господин усадьбы пришел в себя. После того как он одним ударом посоха проломил грудь убийце, станет ли он щадить того, кто называл его «смертником»?

Чу Цзин явно решил пожертвовать старшим сыном, чтобы спасти любимца, буквально отправив Чжаохуая на казнь.

Перед глазами поплыли круги, в ушах зашумело. Когда головокружение немного утихло, юноша почувствовал рядом холодное, словно тающий снег, дыхание.

Чжаохуай испуганно поднял голову. В свете свечей он увидел Цзи Сюня. Тот уже сидел на краю ложа. В своем расшитом золотом черном одеянии он выглядел величественно и спокойно — ни следа хромоты, ни признаков безумия.

— И впрямь испугался? — князь любил улыбаться, и сейчас его взгляд казался почти ласковым. — Сяо-хоуе обучался боевым искусствам у старого генерала Хуана, в детстве охотился на снежных волков... Куда же делась былая отвага? Почему при виде капли крови лицо стало белее снега?

Хотя тон был мягким, как весенний ветерок, Чжаохуая пробрала дрожь. Цзи Сюнь продолжал улыбаться, но его глаза — эти холодные глаза в форме лепестков персика — оставались мертвенно-спокойными. Он смотрел на юношу так, словно тот уже был покойником.

— Я...

В горле пересохло. Чжаохуай с трудом сглотнул, и слова отрицания застряли у него внутри. Было неважно, стояло ли его имя в указе. Раз стража верит, что перед ними Чу Чжаоцзян, значит, Чу Цзин скрыл правду от усадьбы князя.

Если в брачную ночь он признается, что он не тот, кого ждали, Цзи Сюнь, которого так нагло обманули, придет в ярость. И тогда на Чжаохуая обрушится гнев безумца, пережить который вряд ли удастся.

Даже если вмешаются дворец или ведомства, Чу Цзин всегда сможет выкрутиться, заявив, что «молодой маркиз» в указе — это и есть его старший законный сын.

Отец лживо выманил его из Линьяня, спрятал Чжаоцзяна в усадьбе и ждал, пока тайна раскроется. К тому времени Чжаохуай мог быть уже мертв, а его младший брат — свободен и чист перед законом.

«Двуличная тварь. Какая расчетливость»

Чжаохуай прижал руку к груди. Лицо его было бледным, но в душе вместо страха внезапно вспыхнуло безумное, почти отчаянное решение. Раз уж усадьба маркиза так жаждет его смерти, он не пойдет на дно один. Он дотянет до дня первого визита к родителям и утянет за собой всё семейство Чу.

— Я не испугался, — тихо произнес он, не ставя под сомнение обращение «сяо-хоуе». — Я просто голоден. Свадебные обряды утомительны, я весь день маковой росинки во рту не видел. Ноги подкосились от слабости, только и всего.

Цзи Сюнь удивленно приподнял бровь:

— Вот оно что. Значит, я ошибся, и Сяо-хоуе просто упал в голодный обморок?

Чжаохуай кивнул:

— Именно так.

Князь провел двумя пальцами по щеке собеседника, стер слой белой пудры и, глядя на свои испачканные пальцы, рассмеялся:

— Сяо-хоуе, судя по всему, притащил на лице все запасы зерна из амбаров маркиза. Если отломить кусочек этого грима, им можно полгода кормиться. Откуда же взяться голоду?

Чжаохуай промолчал.

«Ну и острый же у него язык»

Заметив в глазах юноши невысказанное ругательство, Цзи Сюнь почему-то пришел в доброе расположение духа и хлопнул в ладоши:

— Чжуншань, приготовь для Сяо-хоуе ужин.

Чжаохуай замер. Прошлые два дня Чу Цзин держал его в запертом флигеле, продуваемом всеми ветрами, и почти не кормил. Сегодняшний день и вовсе превратился в сплошную муку. Услышав о еде, он не сразу поверил, что у Бога Несчастий может быть доброе сердце.

Вскоре в комнату вошли служанки и, не поднимая глаз, накрыли стол. Тело убитого и лужи крови исчезли неизвестно когда, и если бы не слабый запах железа в воздухе, Чжаохуай решил бы, что всё это ему привиделось.

Он осторожно отодвинул полог и спустился с кровати. На столе действительно стояли изысканные блюда, хотя все они уже остыли. Но он не был привередлив — сев за стол, он тут же принялся за еду, забыв о правилах приличия.

Не успел он проглотить первый кусок, как Цзи Сюнь, лениво наблюдавший за снегом у окна, негромко произнес:

— Чу Цзин отправил тебя сюда только с одной целью — убить меня. Только что у тебя была прекрасная возможность. Почему же ты не воспользовался ею?

Чжаохуай едва не поперхнулся.

«Убить?!»

Неужели отец возложил на него еще и такую невыполнимую задачу?

Он постарался сохранить голос спокойным:

— Ваше Высочество шутят. Мой отец может расходиться с Вами во мнениях, но мы все служим государю. Как бы он посмел поднять руку на члена императорской семьи?

Князю, казалось, пришелся по душе этот лицемерный ответ. Он удовлетворенно кивнул и, заметив, что юноша замер с палочками в руках, заботливо спросил:

— Сяо-хоуе ведь был голоден? Почему же перестал есть?

Поняв, что Цзи Сюнь не намерен продолжать допрос, Чжаохуай немного расслабился и снова принялся за еду.

Но стоило ему отправить в рот очередной кусок, как мужчина снова заговорил:

— Среди тех убийц половина пряталась в сундуках с твоим приданым. У Сяо-хоуе есть идеи, как они там оказались?

Чжаохуай зашелся в мучительном кашле и в ужасе уставился на него. Убийцы в сундуках? Значит...

Страшная догадка осенила его, и лицо юноши стало серым.

Голос князя оставался ровным, но стоящий рядом Инь Чжуншань уловил в нем жажду крови. Он бросил на Чжаохуая быстрый, настороженный взгляд. Сяо-хоуе обладал высоким статусом, и его смерть в брачную ночь была бы крайне нежелательной. Но если у господина начнется приступ безумия, он убьет этого мальчишку просто ради забавы.

В спальне повисла тишина. Цзи Сюнь вытер последнюю каплю крови с золотого посоха и медленно провел пальцем по его наверху, словно примериваясь, как бы поудобнее пронзить сердце юноши.

Инь Чжуншань затаил дыхание.

Наконец Чжаохуай заговорил. Он поднял на князя растерянный взгляд и спросил:

— А что же с приданым?

Раз убийцы сидели в сундуках, значит, в них не было его вещей!

Инь Чжуншань, прошедший через сотни битв, даже под градом стрел не терявший самообладания, теперь опешил.

«Он беспокоится о приданом?!»

Цзи Сюнь на миг прищурился, а затем снова рассмеялся — на этот раз почти искренне:

— Приданого стало меньше всего на пару десятков сундуков. К тому же, остальная половина всё равно была пуста, так что ванфэй не о чем беспокоиться.

Чжаохуай прижал руку к сердцу, чувствуя, что земля уходит у него из-под ног. Отец обещал сто двадцать сундуков, а они наполовину пустые! Это известие ударило по нему сильнее, чем осознание всех козней Чу Цзиня. От ярости и обиды у него потемнело в глазах.

Он с силой отложил палочки.

— Ванфэй больше не хочет есть? — осведомился Цзи Сюнь.

— Я сыт, — едва слышно ответил Чжаохуай, чувствуя, как внутри всё клоочет от негодования.

Он наелся гневом. К тому же он всерьез опасался, что если продолжит ужинать, этот мерзавец придумает еще какую-нибудь колкость, чтобы довести его до удара.

Князь улыбнулся и поманил его рукой:

— Иди сюда.

Чжаохуай, не подозревая, что только что избежал верной смерти, на негнущихся ногах подошел к кровати. Цзи Сюнь смотрел на него с нескрываемым интересом. Его лицо светилось мягкостью, но в глазах плясали холодные искры, похожие на отблеск стали. Он спросил почти шепотом:

— У меня плохая память. Напомни-ка, как зовут мою ванфэй?

У юноши перехватило дыхание. Имя чуть не сорвалось с губ само собой. Собрав всю волю в кулак, он ответил:

— Чу Чжаоцзян.

Цзи Сюнь долго всматривался в его лицо, словно пытаясь разглядеть что-то под слоем пудры, а затем медленно, тягуче улыбнулся.

— Прекрасно. Раз сегодня наша свадьба — выпьем вина из чаш-близнецов и перейдем к брачной ночи.

<http://bllate.org/book/15341/1372764>